А. П. Майоров

Роспись беглым XVIII века как лингвистический источник

В публикации представлен текст указа с росписью беглым, хранящегося в Государственном архиве Читинской области (Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 289об.—293).

Среди всех жанров деловой письменности XVIII века документы регистрационного характера занимают особое место. Эти деловые бумаги представляют собой различного рода реестры (регистры), описи, ведомости, приходно-расходные, записные книги и пр. и являются ценным лингвистическим источником прежде всего по своей лексической содержательности. В них представлен определенный круг тематических групп лексики в таком полном и системном виде, который трудно встретить в деловых текстах других жанров.

Так, в описях похищенного имущества, прилагаемых, как правило, к челобитным, прошениям, заявлявшим об этом виде преступления, бывает достаточно полно представлена предметно-бытовая лексика — названия головных уборов, одежды (мужской и женской), посуды, тканей и т. п. Среди забайкальских документов существовали разновидности реестров угнанного скота, где подробно перечисляются наименования масти животных, особые физиологические свойства, половозрастные признаки и т. п. Составлялись специальные описи недвижимого имущества (жилых и хозяйственных построек) в случае передачи его под материальную ответственность какого-либо лица, по наследству; описи товаров в таможенных документах и мн. др. Как правило, в деловых бумагах подобного типа ярко представлена разговорная лексика (диалектизмы, регионализмы, просторечие). В частности, в региональных памятниках деловой письменности находят отражение разговорные слова, характери-

---

Работа выполнена при финансовой поддержкке РГНФ (грант № 04-04-62001а/Т).

зующие особенности производственной, хозяйственной деятельности русских людей, уклад их жизни, определяемый своеобразными географическими, климатическими и социокультурными условиями. В связи с этим лингвистическую ценность документов данного жанра трудно переоценить.

Росписи беглым в XVIII веке были широко распространены. Если в XVII веке в качестве предупредительной меры против бегства крепостных и других категорий подневольных людей активно использовались явочные челобитные [Майоров 1988], то в следующем столетии борьба с побегами принимает более организованные формы. Составление и рассылка росписей во все регионы России входили в систему предупредительных и репрессивных мер против побегов. Побеги с заводов, которые в XVII—XVIII вв. в большом количестве возникли в Западной и Восточной Сибири, были особо массовым явлением. На этих предприятиях был введен военный режим труда. Как правило, в результате для работы создавались тяжелые условия: произвол командиров, быт, организованный на военный лад, тяжесть повинностей, мизерная заработная плата, жестокая система наказания. Побег был способом защиты от беззакония, жестокости обращения и эксплуатации. В XVIII веке такая форма социального протеста была особенно актуальна, поскольку рабочие еще не имели юридического права на свободу передвижения и выбор работодателя.

Среди беглецов с заводов выявляются четыре категории: 1) приписные крестьяне[1]; 2) мастеровые; 3) заводские ученики и рекруты[2]; 4) ссыльные. Чаще всего бежали работники последних двух категорий, поскольку они находились в наиболее бесправном положении и получали самую низкую заработную плату [Черкасова 1985: 170].

Массовое бегство отмечается с 20-х гг. XVIII в. По мнению историков, оно стало возможным, потому что формы и методы борьбы с этим явлением еще не были разработаны [Ковальчук 1988]. Тем не менее, именно с 20-х гг. борьба с бегством начинает принимать какие-то организованные формы. Предпринимаются различные предупредительные меры против бегства, среди которых существенное место отводилось приемам нравственно-идеологического воздействия, поручительству (создавалась система круговой поруки), рас-

---

[1] Приписные крестьяне — особая категория местных крестьян, которые приписывались к заводам для отработки повинностей.

[2] Набор в рекруты в XVIII веке являлся особым видом отработки повинности не только в армии, но и на промышленных предприятиях. Указ 1725 г. утверждал рекрутчину как метод формирования заводских кадров.

пискам о «несбеге», присяге («клятвенному обещанию») [Мамсик 1978: 145]. Применялись и более жесткие меры: физическое наказание бежавших и их сообщников. Например, широко практиковались телесные наказания шпицрутенами, батогами, тростями.

В это время для розыска беглецов начинают составляться сыскные ведомости, пересылаемые из наместнических правлений и сопровождаемые копией с указа Сената. В них сообщались приметы бежавших, так как кто-то из них мог взять себе чужое имя. Как отмечают исследователи, уже в 20-е гг. XVIII в. сибирский обер-бергамт рассылал указы с описанием примет бежавших и собирал специальные команды для их розыска [Черкасова 1985: 168]. К середине XVIII в. в связи с участившимися случаями побегов практика составления росписей беглых становится регулярной и широко распространенной (росписи составлялись практически в каждой российской губернии).

Специфической особенностью росписей беглым является то, что в этих документах сообщались точные и подробные приметы беглецов: рост, цвет глаз и волос, особые физиологические признаки во внешности бежавшего. Так, после сведений о возрасте, росте беглого обязательно следовало описание его внешности, которое начиналось с характеристики особых черт лица разыскиваемого. Указывались цвет волос и глаз, цвет и тип кожи, форма лица. Затем описывались отличительные признаки строения тела, особые приметы на руках и ногах и т. п. Таким образом, для документов данного жанра типична лексика, характеризующая человека.

Представляемый ниже текст указа с росписью рекрутов, бежавших с Нерчинских заводов, сопровождается кратким анализом наиболее выразительных языковых средств, присущих документам этого жанра:

УКАЗ
из канцелярии главного правления заводов о сыске беглых людей с росписью беглецов и их примет

8 июля 1741 г.

(*л. 289об.*) № 580:

Указъ jс канцелꙗріи главного заводовъ правлениꙗ | нерчинскому горному началству по указꙋ j по опреде|лениямъ канцелꙗріи главного заводовъ правления | на репорты ис по^д^чиненныхъ онои канцеляріи командъ | у беглыхъ разныхъ чиновъ людехъ велѣно о сыску оны^х^ | беглецовъ здесь и в по^д^чиненны^х^ канцеляріи главногѡ | за-

водовъ правления команда^х^ с прописание^м^ ростꙋ | ј непременны^х^ приметъ публиковать и сыскива|ть во всехъ командахъ накрепко а паче около домо^в^ | ихъ и где сысканы будꙋтъ о^б^ꙗвлять те^х^ местъ | в командахъ ис которыхъ присылать сюда скова|ныхъ по^д^ крепки^м^ карауло^м^ ј с поруками беглецовъ | чинить по указо^м^ а кто имꙗны оные беглецы | ј какие јмѣютъ непремѣнные приметы то^му^ | при семъ роспись и не^р^чинскомꙋ го^р^номꙋ началь|ству учинить о томъ по указꙋ июля 8 дня | 1741 года

На подлинно^м^ указе пишетъ тако по^д^полко|вникъ Леонти Угримо^в^ скрепа по листо^м^ | секретарꙗ Евдокима Ꙗковлева справа по листо^м^ | канцеляриста Јвана Жолыбина

(*л. 290*) роспись беглецамъ
рекруты

Изъ Екатеринъбурга Симонъ Усолцовъ здешнꙗго ведо^м^ства | Камышевскои слободы ростомъ „2„ аршинъ с вершкомъ волосомъ | светлорусъ глаза карие лицемъ приша^д^ровитъ собою по^д^|садистъ отроду ему „28„ летъ | с Шиловского мѣдного рꙋдника | Василеи Никифоровъ снъ Хмелехъ Тамакульскои слободы | | _илеи Никифоровъ снъ Хмелех^в^ волосомъ чернъ глаза ка|рие лицемъ присмуглъ на лбу на роскате о^т^ ушибꙋ рубецъ | на левои рукѣ на мизинце на нохтю о^т^ порезу рубецъ на | тои же руке выше завити чирьевое белое пꙗ^т^но на правои рукѣ по^д^ле завити о^т^ посеку рубецъ краснѡи | на левои ноге на коленѣ от посеку рубецъ о^т^роду ему 30 : ле^т^ | <…> кꙋзнишнои работникъ и^з^ рекрутъ Федоръ Каргапольцовъ | родомъ быва^л^ Калиновскои слободы ростом 2„ аршинъ 2 п_ои^р^|шковъ волосомъ русъ круглолицъ одꙋтловатъ глаза серые (л. 290 об.) на щекахъ и на бороде о^т^ познобу багровые пꙗтна на левои рукѣ на болшемъ персту о^т^ посеку рубецъ | на брюхе на левои сторонѣ чирьевое белое пꙗтно | на обоихъ нога^х^ на лодышках от посеку по рубцꙋ о^т^ро^ду^ ему 20 летъ | с Верхъисецкого завода доменнои работникъ из рекрутъ | Петръ Никитинъ снъ Козминныхъ росто^м^ 2 арр_ ръ Никит^р^|шка волосо^м^ ру^с^ прикудреватъ долголицъ сухощавъ востро|но^с^ глаза серые на левои щеке против глазꙋ черное пꙗ|тнышко на бороде по^д^ нижнои губои о^т^ ушибꙋ рубчикъ | на правои ногѣ на болшемъ персту к нохтю от посеку рубчикъ на ^ле^вои рукѣ на указателно^м^ и на безымꙗнно^м^ ј на мизинно^м^ пе^р^ста^х^ | о^т^ посеку по рубчику на спине на право^м^ боку неболшѣе роди|мое чирьевое пꙗтнышко в право^м^ ухе серга о^т^родꙋ ему два|тцать шесть летъ родомъ Новомышлинскои слободы | <…> с Ыльинского завода <…> Алеѯѣи Слинкинъ ростомъ 2„ аршинъ 5 вершко^в^ волосомъ | светлорусъ лицемъ смуглъ носъ дологъ с шишкои прирꙗ^б^ праваꙗ рука о^т^ завара по локтю

в пꙗтнахъ на левом боку на спинѣ ниже поꙗсницы три пꙗтна родом | города Тоболска деревни Слинкины отроду 21 года | <…> денежного дела работникъ из рекрутъ Сергѣи Гаврилов снъ Ошну|рковъ родомъ бывалъ Тоболского уездꙋ ꙗмскои слободы кре | стьꙗнскои сынъ ростомъ 2 аршинъ лицемъ смуглъ шадро|витъ глаза карие волосомъ чернъ на правои ледьвѣе | от чирꙗ белое пꙗтно отроду ему „25„ летъ (*л. 291об.*) завода цесаревны Елисаветы молотовои работникъ | Карпъ Соловьевъ родомъ Тамакулскои слободы отроду ему | 30 летъ ростом среднѣи волосомъ русъ лоб и борода бритые | глаза карие и глазами вовремꙗ прищуриваетъ | jс Пермского горного началства | сь Юговского завода | горнои ученикъ Михаило Иванов 30„ летъ ростомъ среднеи | волосомъ светлорусъ глаза серые лицемъ сухощавъ говоритъ | остро лоб и борода бриты

рекрꙋты

С Мотовилихинскѡгѡ | Андреи Jванов снъ Чащинъ 32 годов 2 ар_ Чащин | вершковъ лицемъ белъ волосомъ збела русъ на шее на|зади рубецъ на правои ноге на коленѣ пꙗтно белое | на левои ноге на лопастѣ рубецъ краснои взꙗтъ Ку|нгꙋрского уездꙋ изъ села Спаского | Григореи Ермолаевъ сн.ъ Белцовъ дватцати летъ | ростомъ 2„ аршинъ 5„ вершковъ лицемъ смуглъ чистъ | глаза серые волосомъ стемна русъ на брюхе на левом | боку два пꙗтна белые на правом боку черное пꙗ|тно на левои рукѣ на лопасте [белое пꙗтно] 2 рубецъ на левои ноге выше колена рубецъ взятъ jс того ж села (*л. 292*) Никита Богдановъ снъ Волковъ дватцати летъ ростомъ 2 аршинъ 3 вершковъ лицемъ смуглъ пришад|ровитъ одутловатъ глаза серые волосом чернъ | на левои щеке рубецъ на правои ледьвѣе 2 пꙗ|тна черные на лѣвои холкѣ на левомъ стегне | на правои[1)] стегнѣ выше колена такие же пꙗ|тна на левои ноге выше колена чирьевые два | пятна взꙗтъ того жъ уездꙋ изъ села Зла|тоустовского <…> (*л. 292об.*) Меркуреи Ѳедоровъ сн.ъ Лопатинъ 20 летъ ростом 2 ар_ ровъ сн.ъ Лопатинъ 20м збела | русъ лицем чистъ глаза серые на поꙗсни|це неболшѣе белое пꙗтно на правои ноге на берце от посе|ку два неболшие рꙋбца на левои ноге на лодышке от посеку | рубецъ выбретъ роскатъ взꙗтъ того ж уездꙋ jз села Зла|тоꙋстовского <…> от горнои работы | Ѳедотъ Терентьев снъ Орловъ дватцати двꙋхъ | летъ ростом 2 аршин 3 х вершков лицем смуглъ глаза ка|рие волосом счерна рус на голове два руб́ца под пра|вои рукои бородавка на жепе на правои ледвее чиревое | пꙗтно на левои ноге на лопасте от посеку рубецъ | лоб бритъ взꙗт Кунгурского уезду jз села Комарского <…> (*л. 293*) <…> с Ысерского завода молотовои работникъ Доро-Ѳеи Паршуков Кру|тихинскои слободы ростом 2 аршинъ 4 : вершков

глаза | розокие носъ квеᵖху прикрючился лицем рꙗᵇ говоритъ дре | безговатѡ оᵗродᵘ ему 26 : летъ <…> (*л. 293об.*) <…> оᵗ добычи железнои руды Лука Карповъ снъ Сатюкоᵛ ростоᵐ | 2 аᵖшинъ 4„ веᵖшковъ волосоᵐ русъ круглолицъ пришаᵈровиᵗ | глаза серые на правои рукѣ оᵗ завити к локтю родимое чеᵖное болшеѣ пяᵗно | у левои руки у мизинца первои состаᵛ оᵗрезанъ по спинѣ оᵗ воспы | пꙗᵗна неболшие у правои ноги на лодышкѣ оᵗ посеку пꙗтнышко | у левои ноги к берцꙋ пꙗтно оᵗродᵘ ему 21 годъ

ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 289об.—2933

[1)] *Так в ркп.*

В данном тексте обращает на себя внимание употребление генетически разнородных языковых средств, смешение которых являлось характерной чертой литературного языка XVIII в. Прежде всего следует отметить употребление книжной (церковнославянской по происхождению) лексики: *берце*, *перст*, *лядвея*, *розокой, стегно.* Другая группа слов, очевидно, была широко распространена в разговорном языке того времени: *борода* «подбородок», *брюхо*, *воспа*, *востроносой* и др. В-третьих, следует выделить те слова, которые были употребительны только в забайкальском (шире — восточносибирском) регионе и представляли собой регионализмы: *завить*, *роскат* «верхняя часть лба», *холка* «ягодица», *пришадровитой* «рябой незначительно», *подсадистой* в значении «приземистый, коренастый» и др.

Слова первой группы, отмеченные в забайкальской росписи беглым, представляют собой в основном наименования конечностей и их частей (*перст*, *берце*, *стегно*, *ледвея*).

Перст. Слово *перст* было употребительно еще в языке деловой письменности XVII в. В региональных памятниках этого периода учеными отмечается отсутствие каких-либо семантико-стилистических различий у синонимов *перст* и *палец* [Хитрова 1987: 127]. Например, в пермских документах начала XVIII в. *палец* и *перст* встречаются в практически идентичных контекстах: и пытан и у руки *персты* сечены [Сл. перм.: 4, 32, 1702]; учинено ему Якушке наказанье отсечены у левой руки два *палца* меншие [Сл. перм.: 4, 32, 1702].

Однако в дальнейшем в деловом языке 1-й пол. XVIII в. слово *перст* становится более употребительным. Так, в исследуемом па-

мятнике в значении «палец руки» отмечается только данная лексема. Примечательно то, что в росписи слово *перст* употребляется также в значении «палец ноги»: на правои ногѣ на болшемъ *персту* <...>.

В отличие от деловой письменности в художественных произведениях 1-й пол. XVIII в. слово *перст* принадлежало к высокому стилю. В качестве поэтического средства оно могло употребляться метафорически: Златой уже денницы *перст* / Завесу света вскрыл с звездами [Лом. 1739: 115]. Возможно, в общем процессе славянизации делового языка в петровскую эпоху происходило функционально-стилистическое переосмысление употребления тех или иных книжных слов: благодаря своему книжному характеру в деловом языке XVIII в. слово *перст* стилистически противопоставлено слову *палец* и используется в канцелярском слоге как термин.

Берце. Слово *берце* (*берцо*) в значении «голень» в XVIII в. употреблялось в письменных памятниках различных жанров — художественных произведениях, научных сочинениях и др. [Сл. XVIII в.: 1, 206]. В памятниках деловой письменности отмечается широкое употребление этого слова независимо от территориальной принадлежности документа: например, кроме данного забайкальского памятника оно встречается в московских деловых бумагах: на левои ноге ниже колена *берца* поколота [РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5967. Л. 4. 1740].

Стегно. Слово *стегно* в значении «бедро» было известно деловому языку с XVII в. Материалы памятников деловой письменности XVII—XVIII вв. свидетельствуют, что слово *стегно* характеризует соответствующую часть конечности человека, но не животного: и меня из лука застрелили в *стегно* [Картотека сл. об. яз., 1613]; былъ в походахъ <...> в деиствителном сражении где и раненъ в левое *стегно* [НАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 643. Л. 3—4об. 1792]. К аналогичному выводу о более узкой семантике слова в XVII—XVIII вв. приходят и другие ученые [Кашина 1998: 45]. В XVIII в. данное наименование верхней части ноги человека используется в документах различных регионов: в пермских — Бектемира Аналиева сына стрелою правую ногу в в *стегно* прострелили [Сл. перм.: 5, 166, 1710]; в смоленских — на левой ноге на *стегне* то ж от бою синей знакъ [РГАДА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 42. Л. 8об. 1771]; забайкальских и др. Своеобразна семантико-стилистическая эволюция слова: постепенное его передвижение на периферию словарного состава русского литературного языка и одновременно расширение его семантики. В современном литературном языке слово *стегно* имеет значение «часть ноги от таза до коленного сгиба; бедро» и характеризуется

как *устар.* и *обл.* [МАС: IV, 258; ССРЛЯ: 14, 818]. С этим значением данная лексема применяется как по отношению к человеку, так и к животному. Подобную семантику слово сохраняет в русских говорах Забайкалья [СГССЗ: 452].

Следует отметить, что в русском языке XVIII в. наряду со словом *стегно* активно применяются другие названия верхней части ноги — *бедро* (*бедра*) и *лядвея* (*ледвея*, *лядвия*). Среди слов этого синонимического ряда в забайкальских памятниках деловой письменности XVIII в. более употребительны лексемы *стегно и лядвея* (*ледвея*).

Лядвея. Синонимом слова *стегно* в деловом языке XVIII в. выступает слово *лядвея* (*ледвея*). Его употребление в анализируемом памятнике выявляет значение «бедро; ляжка»: на правои *ледьвѣе* 2 пѧтна черные на лѣвои холкѣ на левомъ *стегне* <...> такие же пѧтна. Синонимичность слов *стегно* и *лядвея* подтверждают примеры, приводимые в Словаре русского языка XVIII в.: в известную вам баталию ранен я был... в левую *лядвию* или *стегно* ружейною пулею [Сл. XVIII в.: 12, 25].

Между тем у синонимов *лядвея* и *стегно* наблюдаются семантические различия. Слово *лядвея* обозначало верхнюю часть ноги не только человека, но и животного: разсматривая оныя <кости> нашел я говяжьи *лядвеи* и голени [Сл. XVIII в.: 12, 25]. Аналогично в деловом языке XVIII в. *лядвея* (*ледвея*) может служить названием не только бедра человека, но и ляжки задней ноги у животного: с лугу уведенъ собственной ево лошать светло серои <...> грива с отметом на обе стороны на правои *ледвее* да на том же паху от обжеговъ пятна [НАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 120. Л. 204—204об. 1773].

Характерно то, что оба слова (*стегно* и *лядвея*) — книжно-славянского происхождения. Это отмечается у обеих лексем в САР1 пометой *Сл.* — «славянское», которая помимо генетической характеристики указывает в основном на церковно-книжную сферу его употребления. Так же, как слово *стегно*, слово *лядвея* использовалось и в деловом языке XVII в. [Сл. XI—XVII вв.: 8, 349]. По всей вероятности, в национальный период русского литературного языка оба слова продолжают функционировать в деловых бумагах под влиянием приказной традиции, сохранявшейся в канцелярском слоге еще длительное время.

Необходимо учитывать еще одно обстоятельство: в публикуемом памятнике слово употребляется в орфографической форме, отклоняющейся от литературного написания *лядвея*. По-видимому, орфографическая запись *ледвея* отражает особенности произношения —

с ударением на последнем слоге и, соответственно, с редукцией первого безударного гласного, отражающейся на письме в виде гласной буквы «е». В САР1 у слова *лядвея* указывается ударение на первом слоге [САР1: 3, 1385]. В говорах же это слово фиксируется с ударением на последнем слоге [СРНГ: 17, 263]. Можно предположить, что этот произносительный вариант развился по аналогии с регулярными акцентными образованиями типа *колея*, *кисея*, *верея* и т. п. Написание слова ледвея только с «е» в первом слоге может свидетельствовать о закрепленном в разговорном узусе произношении этого слова с ударением на гласной последнего слога. Об аналогичном произношении с ударением на последнем слоге говорит и орфографическая запись слова *чеща* в забайкальских памятниках деловой письменности.

Розокой. В ином орфографическом варианте это слово представлено в САР1 — *разокій* «раскосый» [САР1: VI, 621]. В принципе это значение могло передаваться в деловом языке другими лексическими средствами — *с прикосью*, *прикосой*, которые в противоположность анализируемому слову по происхождению представляются разговорными.

В узусе деловой письменности обычной была орфографическая запись слова с приставкой *роз-* [Майоров 2004]. В данном случае писец, несмотря на книжный характер слова, последовал узуальной норме его правописания.

Таким образом, в стиле делового письма XVIII в. были востребованы книжные элементы независимо от их функционально-стилистического статуса в литературном языке. Некоторые из них применялись в соответствии с приказной традицией, сохранявшейся в канцелярском слоге по крайней мере в 1-й пол. XVIII в.

Другую группу слов, используемых в росписи для характеристики внешности человека (*борода* «подбородок», *брюхо*, *жепа*, *воспа*, *востроносой* и др.), объединяет их собственно русское происхождение и сфера функционирования — некнижный письменный узус. Отметим лексико-семантические и стилистические особенности наиболее употребительных в деловой письменности слов.

Борода. В XVIII в. слово *борода* употреблялось в двух значениях «подбородок» и «волосы на нижней части лица». В деловых памятниках Забайкалья первое значение у анализируемого слова является регулярным, а второе отмечается спорадически. Об актуальности значения «подбородок» в узусе деловой письменности этого региона в какой-то мере свидетельствуют употребление этого слова в росписи беглым только в данном значении, а также функциониро-

вание в забайкальских памятниках производного образования *голобородый* в значении «бреющий бороду» [Любимова 1998: 42][3].

Брюхо. Слово *брюхо* в значении «живот» в XVIII в. еще не находилось на периферии литературного языка и не воспринималось как просторечное слово. Отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски может подтвердить употребление слова в следующих контекстах: Егда завязан будет пуп <родившегося> лехкое и *брюхо* воздухом подымется, новая причина жизни начинается; Болезнь есть в желудке от засорения онаго, при чем собака теряет аппетит, и в *брюхе* у ней очень ворчит [Сл. XVIII в.: 2, 150]. По наблюдениям других ученых, слова типа *брюхо*, *рожа*, употреблявшиеся в деловом языке XVII в., были лишены какой-либо экспрессивной коннотации [Хитрова 1987: 127].

Востроносой. Прилагательное *востроносой* имеет южновеликорусскую по происхождению протезу *в*, которая получила лексикализацию в отдельных словах (*воспа*, *востроносой*, *вохра* и т. п.) и в XVIII в. не являлась диалектной чертой. О разговорном характере данных лексем свидетельствует САР1, где эти слова (*воспа*, *вострый*, *вохра*) приводятся с отсылкой к словам *острый*, *оспа*, *охра*. При этом примечательна попытка составителей словаря стилистически маркировать некоторые из указанных слов: *воспа* <…> в простореч. зри *оспа* [САР1: I, 867]; *вострый* <…> в простор. зри *острый* [там же].

Среди других названий частей тела и слов, характеризующих человека, употребительны разговорные слова, не являющиеся общерусскими: *завить*, *лопасть*, *роскат*, *холка, шадровитой, пришадровитой, подсадистой*.

Завить. Контексты забайкальской росписи не позволяют четко разграничить у данного слова значения «кисть руки» и «запястье»: на правои рукѣ от *завити* к локтю родимое... пятно... на правои рукѣ подле *завити* от посеку рубецъ... Однако в других забайкальских документах XVIII в. значение «запястье» у слова реализуется более четко: и выхватя из лежанки своеи шпагу ефесомъ ударилъ по

---

[3] Фиксируя употребление прилагательного *голобородый* в нерчинских документах, автор статьи считает, что оно используется в значении «имеющий небольшую бороду, бородку». По-видимому, исследователь исходила из того, что значение «подбородок» слову *борода* в региональном узусе деловой письменности Забайкалья было не свойственно. Как видим, это не так. Кроме того, данная гипотеза представляется малоосновательной, поскольку в семантике слова *голый* все-таки определяющим является признак «не покрытый ничем, обнаженный».

руке ево Мункуева и переломил по *завите* у левои руки кость [НАРБ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 59. Л. 72. 1769]. Употребление данного слова в значении «запястье» отмечается также в нерчинских документах XVIII в. [Кашина 1998: 45].

Слово *завить* было употребительно еще в XVI—XVII вв., преимущественно в узусе деловой письменности [Сл. XI—XVII вв.: 5, 152; Картотека Сл. об. яз., Разин. дела]. При этом у него выявляется и значение «запястье», и значение «кисть руки». Интересен ареал распространения слова *завить* в современных русских говорах. В значении «запястье» слово употребляется в севернорусских (вологодских, двинских), уральских (свердловских, челябинских) и сибирских (новосибирских, енисейских) говорах [СРНГ: 9, 319]. В значении «кисть руки» оно отмечается только в пермских говорах [там же].

При активном функционировании слова *завить* повсеместно в деловом узусе XVI—XVII вв. и в региональной (забайкальской) письменности XVIII в. эта лексема не фиксируется в исторических словарях [Сл. XVIII в., САР1]. Вместе с тем в произведениях различных жанров (в том числе и в деловых бумагах) XVIII в. в значении «часть руки до предплечья; запястье» используется слово *запястье* [Сл. XVIII в.: 8, 72; Сл. перм.: 2, 95] и в значении «часть руки от запястья до конца пальцев» — словоо *кисть* (руки) [Сл. XVIII в.: 10, 42]. Помимо того, в смоленских документах встретилось слово *пясть* в значении «запястье»: на левои же руке близъ *пясти* на составе кость от бою нарушена [РГАДА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 42. Л. 6. 1771].

В исследованных забайкальских документах слова *запястье, кисть* (руки) и *пясть* не отмечены. Судя по всему, функционирование слова *завить* в XVIII в. было территориально ограниченным.

Лопасть. Слово *лопасть* в забайкальской росписи беглым служит наименованием ступни или нижней части ноги человека. В литературном языке XVIII в. это слово имело ряд значений — «гребная часть весла», «часть головного убора, украшения и т. п.», «одна из частей цветка или резного листа» [Сл. XVIII в.: 11, 228], однако анализируемое значение здесь у него не выявляется. В СРНГ *лопасть* со значением «ступня или нижняя часть ноги» представлено в сибирских (забайкальских, новосибирских, уральских и др.) говорах, а также в материнских по отношению к ним пермских и вятских говорах [СРНГ: 17, 132]. В забайкальских документах XVIII в. наряду со словом *лопасть* в этом же значении встречается лексема *лапость*, представляющая, на наш взгляд, фонематический вариант анализируемого слова. В этом виде оно сохранилось и в современ-

ных говорах семейских Забайкалья [СГССЗ: 242]. Иными словами, лексема *лопасть*, являясь диалектизмом в современных сибирских говорах, в XVIII в. функционировала в узусе забайкальской деловой письменности наряду с литературной лексикой.

Роскат. В росписи беглым и других памятниках забайкальской деловой письменности XVIII в. слово *роскат* употребляется в значении «верхняя часть лба человека». Данное значение слова не отмечается ни в одном историческом словаре. Не фиксируется оно и в известных областных словарях русских говоров Сибири, а также в академическом словаре русских народных говоров. Возможно, это тот редкий случай сугубо регионального функционирования слова, данное значение которого сформировалось во вторичных говорах на территории Забайкалья в XVII—XVIII вв.

Холка. В забайкальской росписи беглым слово *холка* употребляется в значении «ягодица». В литературном языке XVIII в. оно было известно только в значении «прядь волос между ушами у лошади» [САР1: VI, 567; Картотека Сл. XVIII в.]. Относительно близкое значение — «верхняя часть задней ноги животного» приводится в историческом словаре западносибирской деловой письменности [Сл. Пан.: 165]. И, наконец, в значениях «бедро; ягодица; задница, седалищная мышца человека» слово распространено в современных севернорусских и сибирских говорах — архангельских, вологодских, пермских, томских, новосибирских, енисейских [Картотека СРНГ]. Иными словами, *холка* в указанном значении являлось регионализмом и, похоже, имело в XVIII в. обширный ареал функционирования: помимо северо-восточных территорий европейской части России, оно охватывало Западную и Восточную Сибирь, включая Забайкалье.

Шадровитой. Слово *шадровитой* употребляется в анализируемом памятнике в значении «с лицом, изъеденным оспой; рябой». В САР1 отмечается иной разговорный вариант этого слова — *щедроватой* [САР1: VI, 946]. Слово *шадровитой* исконно русского происхождения, и этимологами объясняется из **шадьра*, сложения именного преф. *ша-* и корня, связанного с *драть* [Аникин 2000: 684]. В Словаре Даля слово *шадра* «природная оспа» и его производные *шадрина*, *шадривый*, *шадровитый* даются с пометой *арх.* [Словарь Даля 1956: IV, 618]. То, что северновеликорусское [Картотека СРНГ] слово встречается в забайкальских и, шире, в восточносибирских и западносибирских памятниках неудивительно, поскольку представители русского населения в Сибири были в основном выходцами из северновеликорусских земель (архангельской, вологодской, псковской областей). Существует это слово и в современных

русских говорах Сибири: *шадровитый* «с лицом, изъеденным оспой; рябой» [Сл. новосиб.: 592]. Показательно то, что в московских памятниках этого периода для характеристики лица, изъеденного оспой, слово *шадровитый* не используется: Иванъ Петров снъ Маслухинъ ростом среднеи волосомъ светлорусъ плосколицъ и лицо *побито оспою* [ПМДП, 260, л. 97, 1741]; гсдна моего члвкъ Илья Потаповъ ростом среднеи волосом русъ в лице бледенъ и *побито воспою* [ПМДП, 265, л. 17, 1747]; крестьянскои сынъ Провъ Мартыновъ ростом двухъ аршинъ четырехъ вершковъ волосомъ светлорусъ лицемъ смуголъ и *побито оспою* [ПМДП, 267, л. 37, 1747]. Из опубликованных московских челобитных только в одной отмечено употребление слова *щедровитый*: Дарья Степанова дочь ростом неболшая волосом русая г[л]аза серые лицемъ *щедровита* [ПМДП, 257, л. 75, 1741]. В данном случае свидетельства забайкальских памятников деловой письменности важны для наблюдения над историей слова, для исторической лексикологии русского языка. Подобные регионализмы встречаем и среди слов других тематических групп.

Подсадистой. К северновеликорусским по происхождению словам отсылает нас и слово *подсадистой* в значении «приземистый, коренастый». Его принадлежность к архангельским говорам фиксируется в [СРНГ, вып. 28: 169—170], и, соответственно, исторически это слово было унаследовано уральскими и сибирскими говорами (пермскими, свердловскими, тобольскими, красноярскими).

Таким образом, сопоставление с данными областных и исторических словарей позволяет выдвинуть предположение о региональном характере функционирования таких слов, как *завить*, *роскат*, *лопасть*, *холка*, *шадровитой*, *подсадистой*.

Отметим некоторые словообразовательные особенности языка росписей беглым. В забайкальских документах такого рода активны образования приглагательных с префиксом *при-*: *пригорбой*, *прикосой*, *прикудреватой*, *прискулаватой*, *присмуглой*, *пришадровитой*, *прикалмаковатой* и т. п. Приставка *при-* у данных образований имеет значение «незначительная степень проявления того, что называется производящим словом». Как показывают материалы центральных росписей, незначительная степень проявления какого-либо признака передавалась суффиксом *-оват/еват-*: *малокурчават*, *взлизоват*, *кудреват* и т. п. Приставка *при-* в этом значении в памятниках деловой письменности XVIII в. европейской части России не употребляется.

В забайкальских документах, как видим, используются и приставка *при-*, и суффикс *-оват/-еват*. В СРНГ прилагательные с при-

ставкой *при-* в данном значении не отмечены, однако регулярность таких образований обнаруживается в архангельских говорах: *пристарой*, *пригрубой*, *приглупой*, *присухой*, *пристыдной* и т. п. [Картотека АОС]. Таким образом, можно предположить, что употребление в памятниках деловой письменности Забайкалья прилагательных с приставкой *при-*, которая имела значение «незначительная степень проявления признака, обозначаемого производящим словом», представляло собой региональное явление.

В исследуемом документе следует выделить особые названия оттенков при характеристике цвета глаз, волос: *збела русъ*, *счерна русъ стемна белъ и т. п.* Интересно то, что в росписях, составленных в губерниях Европейской России (новгородских, нижегородских, ростовских и др.), для описания оттенков цвета используются наречия, построенные по той же словообразовательной модели, но с другим префиксом — *из-*: *изрыжа*, *искрасна*, *изчерна* и т. п. Позже подобные образования становятся лексической нормой русского литературного языка. Что же касается наречий с приставкой *с-*, то их регулярное функционирование в забайкальских памятниках свидетельствует о наличии региональной нормы или узуса, в котором действовали узуальные нормы.

Из синтаксических особенностей роспись характеризуют конструкции с Тв. п. в присловной позиции, имеющем ограничительно-уточняющее значение — *волосом рус*, *лицем присмугл*. В современном русском языке в аналогичных конструкциях Тв. п. с данной разновидностью определительного значения сочетается практически с любой частью речи — *измениться лицом*, *крут характером*, *украинец родом*, *вниз ногами* и т. п. [Рус. грам.: 433]. Между тем в семантическом плане сочетаемость существительного в Тв. п. с прилагательным в краткой форме имеет свои ограничения (ср. невозможность **сер глазами*, **толст щеками* и сомнительность *сед волосом*?). С другой стороны, конструкция *бледен лицом* является нормальной.

Можно предположить, что характеристика того или иного свойства, выражаемая краткой формой прилагательного, относится только к частям предмета, или, по Н. Д. Арутюновой, к компонентам «неразборного целого», получающим отдельный статус в качестве функциональных деталей организма [Арутюнова 1998: 16]. В данном случае в лице как «неразборном целом» выявляются его «составные», получающие функциональную значимость в каком-либо контексте (описании внешности человека, словесном портрете и т. п.). Иными словами, в современном русском языке ограничительное значение, выражаемое Тв. п. существительного, неприменимо к отдельным частям лица.

В XVIII в., как свидетельствуют материалы деловой письменности, данная описательная характеристика с помощью анализируемой конструкции была применима только к одной части лица — к волосам (ср. *нос долог*, *глаза серые* и др.), которые в отличие от других частей лица в принципе могут восприниматься как его отдельная, «автономная» часть. Видимо, в силу этой денотативной особенности слово *волосы*, так же как и слово *лицо*, может использоваться в особой конструкции с Тв. п., имеющим ограничительно-выделительное значение, — *волосом рус*.

Таким образом, росписи беглым как лингвистический источник XVIII в. представляют ценность для изучения языковых единиц разных уровней. Особенность словарного состава росписей заключается в том, что в них представлен богатый материал по лексике, характеризующей человека. В росписи представлены слова, принадлежавшие ранее разным сферам функционирования: книжная, общерусская разговорная и диалектная лексика. В области словообразования интерес могут представить регулярные образования прилагательных с приставкой *при-* со значением «незначительная степень проявления какого-л. признака» и наречия с приставкой *с-*, характеризующие цветовые оттенки. Эти словообразовательные особенности литературному языку данного периода были неизвестны. Для описания внешности человека использовались особые синтаксические конструкции с ограничительно-уточняющим значением.

Список источников, литературы и сокращений

Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.

ГАЧО — Государственный архив Читинской областии.

Картотека АОС — Картотека Архангельского областного словаря, хранящаяся на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова.

Картотека Сл. XVIII в. — Картотека Словаря русского языка XVIII в., хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

Картотека Сл. XI—XVII вв. — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв., хранящаяся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва).

Картотека Сл. об. яз. — Картотека Словаря обиходного языка, хранящаяся в Словарном кабинете им. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

Картотека СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров, хранящаяся в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

Кашина 1998 — *Кашина Ю. В.* К исторической семантике названий некоторых частей тела человека в региональных деловых памятниках XVII—XVIII вв. (на материале нерчинских рукописных памятников) // Лингвистическое краеведение Забайкалья. Сб. материалов регион. научно-практ. конференции. Чита, 1998. С. 43—46.

Ковальчук 1988 — *Ковальчук А. В.* Бегство мануфактурных рабочих как форма социального протеста // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. М., 1988. С. 134—157.

Лом. 1739 — *Ломоносов М. В.* Ода на победу над турками и татарами и на взятие Хотина, 1739 года // Хрестоматия по русской литературе XVIII в. М., 1965.

Любимова 1998 — *Любимова Л. М.* Оценка внешности человека в региональных деловых памятниках XVII—XVIII вв. (на материале нерчинских рукописных памятников) // Лингвистическое краеведение Забайкалья. Сб. материалов регион. научно-практ. конференции. Чита, 1998. С. 40—43.

Майоров 1988 — *Майоров А. П.* Явочные челобитные как памятники русского языка XVI—XVII вв. Дисс. канд. ф. н. М., 1988.

Майоров 2004 — *Майоров А. П.* Нормативное и узуальное в правописании приставок и предлогов на з/с в деловой письменности XVIII века // Русский язык в научном освещении. М., 2004. № 1(7). С. 157—170.

Мамсик 1978 — *Мамсик Т. С.* Побеги как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е годы XVIII века. Новосибирск, 1978.

НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия.

Рус. грам. — Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1982.

САР1 — Словарь Академии Российской. Ч. I—IV. М., 1789—1794.

Словарь Даля — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. I—IV тт. М., 1956.

СГССЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.

Сл. XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—27. М., 1975—2003.

Сл. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1—14. Л.; СПб., 1984—2004.

Сл. новосиб. — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

Сл. Пан. — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII—XVIII вв. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

Сл. перм. — Словарь пермских памятников XVI—XVIII века. Вып. 1—5. Пермь, 1994—2001.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—38. Л., 1965—2003.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.

Хитрова 1987 — *Хитрова В. И.* Воронежская деловая письменность XVII в. и историческая лексикология // Русская региональная лексика XI—XVII вв. М., 1987. С. 121—134.

Черкасова 1985 — *Черкасова А. С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.